УДК 930.22, 930,272
DOI: 10.24411/2311-603X-2018-00079

А. А. Касатов

Еще раз о «свободном держании» в английском общем праве XII–XIII вв.

1. Определение фригольда

К оригинальным концептам английского общего права относится такой институт, как «фригольд» (freehold, liberum tenementum). В современном английском праве этим понятием определяется титул (estate) на недвижимое имущество (real property, real estate). Между тем характерной чертой английского имущественного права является концепция «держания» от короля и, по сути (с юридической, но не фактической точки зрения), только имущество короны может быть определено как «собственность» в том смысле, который вкладывается в него составителями континентальных кодексов. Поэтому слово «фригольд», являющееся калькой с соответствующего английского слова, обычно переводится на русский дословно — «свободное держание», или то, что «держится свободно» (free + hold).

Толковые, этимологические, юридические словари дают только определение фригольду, оставляя вопрос его этимологии за скобками. Имеющиеся этимологические словари отсылают к нормандскому диалекту, бытовавшему в Англии после нормандского завоевания[1]. Слово представляет собой просто «кальку» с нормандского fraunc tenement[2]. В юридическом словаре англо-нормандского диалекта приводится форма “franktenements” в значении freehold, причем это слово явно родственное другому — franchtenment в значении «освобождать» или «давать привилегии» (making free, franchizing, знакомый, но не родной русскому уху «франчайзинг»)[3].

Стоит признать, что записи на нормандском диалекте появляются сравнительно поздно, так что быть уверенным в том, что мы имеем дело именно с нормандской, а не отраженной в ней английской практикой, нельзя. Во всяком случае, К. Е. Дигби утверждает, что словосочетание *liberum tenementum* появляется уже в период Генриха II, но вряд ли раньше создания всеобщей переписи Англии — «Книги Страшного суда»[4]. Под фригольдом он понимает держание, «достойное» (worthy) свободных людей, чьи службы не носят характер, уничижающий (derogatory) их свободы. В целом же слово free переводится как «свободный, не связанный путами» (not in bondage), однако в поэтическом смысле также и «знатный, счастливый» (noble, joyful)[5]. Краткий Оксфордский этимологический словарь вообще не содержит слово «фригольд». В английском языке это слово фиксируется не раньше XV в., а его аналогом в более ранних источниках является латинское liberum tenementum. В словаре Merriam–Webster фригольд определяется как держание (tenure) в отношении недвижимости, когда обладание им бессрочно, а объем прав (estate), которым лицо обладает в отношении держания, является или абсолютно наследственным (fee simple), или ограниченно-наследственным (fee tail)[6], или держанием на срок жизни[7].

Фригольд традиционно противопоставляется краткосрочной аренде (leasehold) и копигольду, держанию бывших вилланов, получивших свободу личную, но не имущественную в XV в. Последний получает защиту лишь с развитием института суда справедливости (суда Лорда-канцлера), оставаясь не признанным судами общего права. Словари средневековой латыни, в первую очередь Ш. Дюканж, ссылаются на примеры как раз из английской практики[8]. Однако определения свободному держанию в них найти не удастся. Тот же Ш. Дюканж приводит лишь пассажи из Брактона или законов Шотландии как в случае с выражением tenentes libere — словосочетание, обозначающее обладателей свободного держания. При этом подчеркивается его наследственный характер[9]. В эпоху выдающегося английского юриста У. Блэкстона (1723–1780) фригольдом можно было назвать всё, что угодно: титулы, ренты, право назначения клирика на приход и т.п. При этом У. Блэкстон указывал, что есть такой вид титула (estate), как фригольд, и всё прочее, то, что меньше фригольда (less than freehold). В основе же деления титулов лежит длительность и мера (т.е. конкретный объем прав) интереса (duration and extent). Известный Lexikon des Mittelalters определяет фригольд как землю, обладание которой не ограничено никакими временны́ми рамками и не являющуюся объектом опеки (т.е. то, что держится свободно, независимо от воли другого лица). В Великой хартии вольностей редакции 1297 г. фригольд — это имущество лично свободного человека[10].

2. Историография фригольда

Существующим представлениям о природе фригольда не хватает ни четкости, ни однозначности; критерии отнесения того или иного имущества к фригольду так и не выработаны, насколько можно судить, до сих пор. Самым очевидным тому объяснением может быть сложность самого института, равно как фрагментарность тех источников, которые отразили его судьбу. Неудивительно, что в отнесении того или иного имущества к фригольду можно выделить, по меньшей мере, две по сути противоположных друг другу позиции. Одна из них хорошо выражена у историков-аграрников, причем как английских, так и отечественных, начиная с дореволюционных и заканчивая современными. В свое время крупный отечественный англист М. А. Барг заметил, что с точки зрения социальной истории английского средневековья вопрос фригольда только в конце XIX в. превратился «из юридической абстракции февдистов в объект конкретного изучения историками»[11]. Основной причиной, побудившей историков критического направления (П. Г. Виноградова, Ф. У. Мэйтланда) обратиться к «свободному держанию», как раз и стало стремление историков либеральной школы (Ф. Сибома) увидеть во фригольде «остатки» англосаксонской «свободы». Неудивительно поэтому, что фригольд XII в. пытались представить прямым преемником землевладения свободных англосаксов и не только по сути, но даже по форме границ конкретных крестьянских парцелл-наделов.

Е. А. Косминский, а потом М. А. Барг пришли к выводу: английский фригольд классического средневековья — новообразование, которое имело своим истоком, с одной стороны, коммутацию (выкуп) вилланских повинностей (замена барщины денежным оброком), с другой — замену рыцарской службы уплатой «щитовыми деньгами» (scutagium). Иными словами, они отказались от попыток юридической квалификации фригольда, очевидно, полагая этот вопрос решенным, и обратились к социальной характеристике этого института. Согласно подсчетам Е. А. Косминского, из 28% фригольда центральных графств (т.е. пахотной площади, имевшей статус фригольда), по меньшей мере половину составляли дворянские держания. О преемственности с англосаксонскими аграрными порядками можно говорить не более чем в 6% случаев[12]. Одним словом, фригольд имел чисто феодальную природу.

Тем не менее надо принять во внимание то обстоятельство, что названные исследователи изучали только центральные графства, где сохранение носителей англосаксонской свободы вряд ли можно было признать значительным *a priori* (не говоря уже о крупном здесь церковном землевладении), но экстраполировать выводы одного региона на другие нам также представляется не совсем корректным[13]. Косминский, изучив фригольд свободных крестьян, отмечал значительность слоя его обладателей в Юго-Восточной Англии. Здесь вотчина разложилась довольно рано под влиянием товарно-денежных отношений в связи с наличием здесь крупных торговых и портовых центров типа Лондона, Дувра или Нориджа[14].

Вторым регионом «свободы» можно признать Северную Англию, где еще проживали потомки датских и англосаксонских поселенцев, а новая знать так и не смогла в полной мере поглотить местную деревню, включив ее в границы маноров[15]. Добавим, что королевская власть пыталась сохранить слой свободных землевладельцев в этом регионе, прибегая к акту liberatio, несмотря на резню, устроенную завоевателями в 1069–1070 гг. в Йоркшире. Разумеется, преувеличивать значение этого процесса не стоит, но он должен предостеречь от поспешных выводов о высокой степени манориализации Англии после завоевания и разрыве с предшествующими порядками.

Самый крупный из современных отечественных исследователей аграрной истории Англии М. В. Винокурова посвятила обширный раздел своего исследования проблеме фригольда. Однако вопрос о критериях отнесения держания к фригольду остался как-то за скобками. Исследовательница разделяет положения своего предшественника и учителя М. А. Барга, чьи заслуги в изучении эволюции внутриманориального фригольда не подлежат сомнению. По утверждению же Барга, свободное держание в рассматриваемый период настолько потеряло свою социальную определенность, что превратилось в держание свободных людей[16]. Свобода же последних, как полагает Винокурова, обусловлена свободным характером полагающихся с них служб[17]. Того же мнения придерживался и Барг, отметив тот факт, что в описях libere tenentes (т.е. держащие свободно(!)) включали в свои ряды и таких, кто не являлся юридически признанным фригольдером, с той только разницей, что все они не держали на вилланском праве[18]. Нетрудно заметить, что Барг сместил акценты от *фригольда* к *libere tenentes*, иными словами, его интересы лежали в иной плоскости, что и неудивительно, поскольку его интересовали не критерии фригольда, а именно социальная история английского феодализма. Однако вызывает возражение его утверждение о том, что свободное держание было держанием свободных людей, равно как непонятно, кого он считает юридически признанными фригольдерами. Скажем больше, в источниках libere tenentes зачастую противопоставляются milites, которые определенно не держали на вилланском праве и были держателями фригольда.

Те же английские исследователи, и это можно назвать другой крайней позицией, кто оценивал институт фригольда как юристы и историки права, ограничивались перечислением тех категорий держателей, которые обладали держанием такового статуса[19]. Но они шли от противного, а именно наличия или отсутствия владельческой защиты в королевских судах[20]. Подобное ви́дение Ф. У. Мэйтланда разделял позже У. Холдсворт, но четкого определения фригольду не дает и он, оставляя, как и все его предшественники, за скобками вопрос о критериях такой защиты[21]. П. Г. Виноградов говорил по большому счету о фригольдерах, под которыми в «доктрине общего права понимались те, кто

заключили свободный контракт так, что условия их держания (tenure) определены». При этом он добавляет, что применительно к «Книге Страшного суда» статус liberi homines, или сокмен, проистекал из их признанного социального статуса, а вовсе не из характера их имущества. С другой стороны, он тут же оговаривается, что такие англосаксонские керлы и потомки скандинавских поселенцев, которые позже появляются под названием «свободные держатели», были таковыми не в силу их договора с сеньором, а в силу полноты имущественных прав на принадлежавшее им имущество (free ownership), полученное от короля или уполномоченного на то им магната[22]. В другой своей работе он отмечает, что свободные сокмены являлись обычными фригольдерами и их статус определяется свободным происхождением и свободой распоряжения имуществом[23]. В то же время он видит различия между фригольдом и древним сокажем в формальностях, а именно: в чьей юрисдикции будет разбираться дело об этих держаниях и какова будет процедура[24]. Таким образом, у П. Г. Виноградова речь идет не о фригольде и его критериях, а о фригольдерах, поскольку, как позже М. А. Барга, его интересовала социальная история фригольда, т.е. облик тех, кто был фригольдерами. Косвенно можно полагать, что фригольд — это держание лично свободного человека, обладающего свободой распоряжения имуществом и отправляющего службы, определенные по характеру и объему.

3. Процессуальная составляющие фригольда

Чем же обусловлено наше обращение к фригольду, кроме существующей неоднозначной ситуации в историографии? Представляется оправданным говорить о трех аспектах фригольда, которые надо рассматривать в связке — обстоятельство, не в должной мере учтенное нашими предшественниками. Во-первых, связь фригольда с системой судопроизводства. Во-вторых, избирательность защиты в праве, вопрос, тесно связанный с первым. Наконец, в-третьих, взаимосвязь фригольда и объема прав их обладателей, в условиях Англии определявшийся понятием «сейзина», которым обозначали отношения между лицом и принадлежавшим ему имуществом.

Обращение к процессуальной составляющей фригольда обусловлено спецификой английской судебной системы, в основе которой лежит жесткая связь между обстоятельствами дела, подлежавшего рассмотрению в королевских судах, и формой приказа, которым инициировался иск по этому делу. Несмотря на значительное многообразие приказов, число которых к концу XIII в. превышало восемьсот, Генрих II (1135–1154) из династии Плантагенетов способствовал, во-первых, формализации старого приказа «о праве» (breve de recto), выросшего по сути из практики административных предписаний королей англо-нормандской династии, хотя сама эта практика восходит еще к периоду до завоевания. Во-вторых, в рассматриваемый период получили распространение приказы, которые инициировали судебные разбирательства (ассизы) с участием присяжных (juratores), так называемый «инквизиционный процесс»[25]. Последние, однако, должны были не оглашать приговор, а скорее, предоставить наиболее достоверную информацию по делу, о чем прямо говорит «Великая ассиза»[26]. Жюри предусматривалось в таких инициировавшихся приказами делах, как: «о недавнем лишении владения», появившемся ок. 1166 г., «о смерти предшественника» (в его основе лежит соответствующая статья Нортгемптонской ассизы 1176 г.), а также приказ, по которому вдова могла истребовать себе свою вдовью долю в случае, если она после смерти мужа вообще ничего не получала (отсюда и название приказа «unde *nihil* habet»).[27] Еще одним приказом, где требовалось участие так называемого малого жюри (из двенадцати присяжных), являлся приказ darrein presentment (de advocatione, или «о последнем представлении клирика на приход»).

В свете истории фригольда в первую очередь интерес представляет приказ «о недавнем лишении владения», поскольку ключевой фразой приказа было заявление истца о том, что произошло недавнее лишение «свободного держания» несправедливо и без суда (disseisivit eum de libero tenemento suo injuste et sine judicio), причем предметом спора мог быть не только сам земельный участок, но и то, что к нему относилось (пастбище, сад, рвы и овраги и т.п.). Как показывает исследование Р. ван Кэнегама, между введением этого приказа и появлением трактата «Глэнвилла» (1166–1189) количество дел, которые поступали в королевские суды, неуклонно росло, а сам этот приказ стал по популярности превосходить более старый приказ о праве (breve de recto).

Обстоятельства, при которых происходило применение этого приказа, уже давно заставляют исследователей видеть в его создании влияние римского и/или канонического права, а именно процедуры actio spolii[28]. В частности, Ф. У. Мэйтланд в своем труде о формах исков в английском общем праве отмечает, что ассиза о новом захвате — это аналог римского интердикта unde vi[29]. Однако, как правильно отметил Д. Сазерленд, английские судьи взяли этот интердикт за образец, а не механически перенесли его на английскую почву[30]. Как известно, в случае интердикта (interdicere — запрещать) претор предписывал вернуть имущество потерпевшему или не мешать владельцу пользоваться своим имуществом, оставляя вопрос о праве собственности для виндикационного иска (иск о праве собственности). В английском праве реституция должна была осуществляться на основании приказа о праве, в то время как лицо, потерявшее имущество уже после восшествия на престол Генриха II, подлежало восстановлению на основании приказа «о недавнем лишении владения», и сроки здесь были иными.

Сам принцип установления этих сроков выдает сильное влияние публичной власти на всю систему судопроизводства. Действительно, если в кутюмах Бовези или Нормандии за точку отчета, после которой можно было вчинять иск, выбирали время последнего сбора урожая, то ассиза «о недавнем

лишении владения» первоначально ограничивалась временем прибытия или отбытия короля за море или временем его коронации[31]. На эту особенность указал Дж. Гарнет[32]. Формула приказа была настолько стандартной, что писцы даже не вносили ее полностью в протоколы, ограничиваясь только указанием post ultimam (sc. coronacionem) или post ultimum (transitum, reditum etc.)[33]. Впрочем, принимая во внимание столь частые переезды Генриха II из Англии на континент, ассиза действительно была крайне действенным средством скорейшей реституции[34]. Помимо прочего, судопроизводство по этому приказу было избавлено от множества формальностей. Достаточно сказать, что в случае неявки ответчика дело могло разбираться и в его отсутствие; ограничивалось количество неявок по уважительной причине (так называемых essoins) — не более трех.

Если следовать автору самого авторитетного трактата по общему праву Брактону (ок. 1200 — после 1268), то приказ, инициировавший ассизу, направлялся шерифу, который должен был не выяснять, кто имеет право на спорное имущество, а установить сам факт захвата и вернуть путем акта сейзины имущество потерпевшему[35]. В этом отношении ассиза о недавнем лишении владения была подобна римскому interdictum ad recuperandam possessionem. Так, согласно приказу первых лет правления Генриха II, шерифу необходимо было расследовать (facias recognosci), действительно ли каноники кафедральной церкви в Линкольне владели имуществом (si... fuerunt saisiti) в «год и день» смерти короля Генриха I (anno et die quo rex H... fuit vivus et mortuus), но потом были без приговора и несправедливо его лишены (inuste et sine judicio dissaisiti). В случае установления факта незаконного лишения владения каноники должны были получить имущество обратно путем повторного акта сейзины (sine dilatione resaisiantur)[36]. И позже, в XIII в., была широко распространена практика, когда судьи нередко отменяли незаконный захват, даже если захватчик имел лучшие права, чем потерпевший, дабы восстановить мир[37].

Здесь несложно усмотреть последствия разделения сейзины и правомочности истребовать имущество себе, что на практике привело к выработке двух групп приказов, а процессы, ими инициируемые, получили название «посессорных» и «петиторных» соответственно[38]. Эта терминология была явной данью римской традиции. Судебные разбирательства по ассизе о новом захвате можно определить как посессорные, поскольку истцам необходимо было доказать факт недавнего и незаконного лишения сейзины, которую сам Брактон отождествляет с владением (possessio)[39]. Напротив, те дела, которые слушались на основании приказа о праве, можно определить как петиторные, где предметом являлось право или же, пользуясь современной терминологией (о ее правомерности можно спорить), право собственности. С точки зрения средневековых реалий (и Англия вряд ли была здесь исключением) именно концепт «владения» был более важен и для участников судебных споров, и для членов судебных комиссий.

Относительно процессуального аспекта истории фригольда исследователь сталкивается с более общей проблемой — избирательностью защиты. Как известно, в развитом гражданском праве защите подлежит любое отношение принадлежности. Иными словами, за любым лицом, обладающим той или иной вещью (имуществом), *a priori* признаётся исключительное право на нее, пока обратное не будет доказано по суду[40]. Однако история права показывает, что этот факт — явление, сложившееся исторически. Например, римскому праву эта идея была чужда[41]. Напротив, в XIX в. юристы задавались вопросом, как объяснить защиту даже лица, которое самовольно захватило имущество.

Если применительно к римскому праву в нашем распоряжении есть специальное исследование известного отечественного романиста Д. В. Дождева, то относительно судебной защиты фригольда, насколько нам известно, этот вопрос не поднимался. Дождев объясняет изживание избирательности защиты владения в римском праве развитием индивидуальной свободы и вторжением публичного права в частную сферу. Напротив, неразвитостью индивидуального начала можно объяснить тот факт, что право на защиту в судах имел лишь тот, кто являлся «самовластным», а сам факт предоставления защиты в конечном итоге лежал не в частноправовой, а в публичноправовой сфере. Только то лицо, которое считалось полноправным членом гражданской общины, “persona sui juris”, могло рассчитывать на защиту в суде [42]. Нам этот подход представляется плодотворным, его вполне можно экстраполировать на английскую почву, разумеется, с оговорками.

Избирательность применительно к английским реалиям касалась не столько предоставления / непредоставления защиты, сколько тех форм, в которых она должна была протекать. Например, фирмарий (арендатор) мог прибегнуть к специальному приказу ad recuperandam firmam, но, вероятно, процессы по таким приказам всё равно были менее действенны, в отличие от тех дел, когда иск инициировался приказом о недавнем лишении владения[43]. Кредитор не мог отсудить заложенное имущество должника, если кто-то третий это имущество присваивал себе. Это мог сделать только сам должник. Отсюда видно, что мнение М. А. Барга и других исследователей о фригольде как «просто держании свободных людей» нуждается в корректировке, равно как необходимо найти те основания, которыми руководствовались судьи общего права, предоставляя защиту «свободного держания». Ответ на эти вопросы возможен только после анализа тех конкретных текстов, которые отразили историю «свободного держания».

Судебные протоколы, грамоты, законодательные акты сколько-нибудь цельно этот институт не освещают [44]. В довольно обстоятельном издании городских хартий словосочетание liberum tenementum встречается крайне редко, зато можно найти достаточно примеров liberum burgagium и еще чаще liberum burgum. Бургаж можно считать разновидностью liberum tenementum, который регулировался нормами городского права[45]. Наиболее полно ситуации со свободным

держанием представлены в юридических трактатах. Если оставить в стороне краткую и менее информативную «Глэнвиллу», главным источником для нас будет трактат упоминавшегося в другой связи английского судьи XIII в. Генри де Брактона «О законах и обычаях королевства Англия» (ранние манускрипты датируются последней третью XIII в.).

4. Фригольд в трактате Брактона

Брактон пишет: «Свободным же держание называется для того, чтобы отличить его от вилланского и держания вилланов, поскольку они не могут сами вчинить иск, но господин, которому принадлежит свободное держание»[46]. Отметим, что Брактон не только явно исключил держания, обремененные вилланскими платежами, но и держания вилланов, что и понятно — в силу своего персонального несвободного статуса вилланы (сервы, по терминологии Брактона) не могли рассчитывать на защиту королевских судов. Иными словами, категория «свободное держание» предстает у Брактона не только как объект рентных отношений, но и как юридическое основание предоставления / непредоставления судебной защиты. Однако последнее как раз вторично и обусловлено *несвободным* характером служб и статуса лица.

Важным для характеристики вилланского статуса держания была максима Брактона о том, что «серв не знает вечером, на какую работу завтра его пошлет господин». Таким образом, речь шла не столько о сервильном, сколько о неопределенном характере служб. Напротив, лицо, пусть и отправляющее вилланские по характеру службы, но определенные по размеру и срокам, не считалось вилланом: responsio fuit quod licet faceret villanas consuetudines liber fuit quantum ad corporem[47]. Если такой свободный в другом месте обладал свободным держанием, несмотря на отправление вилланских служб, он мог рассчитывать на приказ о недавнем лишении владения и мог судиться в королевских судах как лично свободный человек[48]. Английский юрист допускал даже защиту для виллана, если тот не находится под властью своего господина (находится в бегах), но это, как и в других случаях, делалось для удобства владеющего (propter commodum possessoris). Впрочем, как только его статус становился известным, дело он проигрывал.

Небезынтересно в этой связи обратиться к составленной, очевидно, тем же Брактоном «Записной книжке», сборнику протоколов судебных тяжб, одному из ранних свидетельств судопроизводственной практики в Англии (1220–1240-е гг.). В споре некоего Томаса, сына Адама, с приором Рислепа (Risslеppe) в графстве Варвикшир Радульфом последний, дабы отвести иск, заявил, что спорное держание является вилланским, а сам Томас — его виллан: idem tenementum fuit villenagium suum et idem Thomas villanus suus[49]. Аналогичным образом дело обстояло и еще в одном споре, где лица, привлеченные к ответственности на том основании, что они лишили истца его имущества, заявили (отметим последовательность аргументации): истец, некто Роджер, виллан и его держание вилланское (villanus est et tenementum unde visus factus est villenagium)[50]. Тот же Брактон утверждает, что даже вилланы старинного домена короны, свободные в период до завоевания, после свободу утратили, и потому в отношении их не может иметь место ассиза о недавнем лишении владения, поскольку их держания — вилланские: assissam novae dissaisinae non habebunt, quia tenementum est villenagium[51].

5. Фригольд как основание процессуальной защиты

Но, может быть, всё же правы историки-аграрники, и фригольдом было можно назвать лишь держание, не обремененное службами? Однако документы свидетельствуют о том, что, с точки зрения их составителей, придать держанию статус фригольда мог не только характер служб, но и другие обстоятельства. Так, всё в той же «Записной книжке» на полях одного из протоколов сделана пометка о том, что свободным можно назвать только такое держание, которое ограничено сроком жизни одного человека, в то время как в случае с держанием на сроки, превышающие человеческие жизни, оно не может считаться «свободным». Брактон делает замечание, что нет ничего более определенного, чем смерть (quia nichil certius morte), но поскольку час ее неизвестен, а смерть не оговорена, то такое держание будет считаться неопределенным, а потому не может рассматриваться как свободное[52]. Можно полагать, что как раз неопределенность сроков (аналогично неопределенности вилланских повинностей) не позволяла судьям говорить о держании как свободном, оно, если так можно выразиться, представало «обремененным» внешними обстоятельствами. Впрочем, в зависимости от условий этого неопределенного держания оно могло защищаться и иными формами приказов.

Действительно, если некто, державший не свободно (non teneat libere), но на определенный и ограниченный срок (sed ad terminum annorum) или являвшийся держателем имущества из владений господина короля (de dominico regis)[53] также получал право на восстановление во владении, то для этой цели существовал уже упоминавшийся приказ «о краткосрочной аренде или фирме» (breve ad recuperandum firmam)[54]. Впрочем, в этом случае речь всё же шла о зависимом держании.

Крайне показательно другое дело из «Записной книжки», поскольку свободное держание предстает здесь особой категорией именно процессуального права. В ходе разбирательства ответчица, представлявшая интересы мужа, указала судьям на то, что он ей не показал то держание, о котором и шел спор, а потому хотела бы знать, о каком участке идет речь. Жюри сообщило, что речь шла не о земле, а о повинности людей ответчика молоть зерно на мельнице потерпевшего (так называемый баналитет)[55]. За этим имуществом члены жюри и судьи не признали статус свободного держания: consederatum quod non est

liberum tenementum. На полях же была сделана пометка, что не может подаваться приказ о недавнем лишении владения в отношении того, что нельзя увидеть (visus fieri non possit). Мы не знаем юридический статус людей ответчика, однако можно полагать, что службы (обязательства) как раз в силу их абстрактности не признавались свободным держанием. Таковым могли выступать только материальные объекты (читай: недвижимость). Обстоятельство, как было указано выше, до сих пор являющееся главным основанием отнесения имущества к фригольду.

Брактон возвращается к этому вопросу в трактате: «И ведь необходимо, чтобы можно было воочию составить представление о держании членам жюри с тем, чтобы сделать в ходе судебного разбирательства правильные выводы»[56]. Более того, он отрицает право судиться по ассизам за теми, кто не владеет своим, как то: фирмарий, держатель на срок лет, кредитор в отношении заложенного имущества[57]. То же справедливо в случае передачи имущества на срок жизни дарителя. Брактон недвусмысленно дает понять, что такой одаренный не приобретет свободное держание (и не сможет рассчитывать на ассизы), оно сохраняется за дарителем, а его наследники получают право вернуть имущество после смерти дарителя. Правда, и это важно, условие «на срок жизни дарителя» есть не что иное, как форма дарения на некоторый срок, а такое держание никогда не рассматривалось как свободное, но означает ли это, что оно было обременено вилланскими платежами?[58] Одним словом, внутри массы свободных с точки зрения предоставления / непредоставления судебной защиты по ассизам Брактоном выделяются те, кто был более защищен в судах, и те, кто защищен менее (или вообще не защищен).

В своем трактате Брактон отрицает статус свободного держания за предметами культа, по сути, выводя их из круга права. В частности, это касалось прав на дарение того, что он называет corrodia (ед. ч. corrodium), поступающих для аббатств и странноприимных домов. Хотя перевести это слово однозначно сложно, можно полагать, что речь идет о каких-то благочестивых пожертвованиях (продуктовых в первую очередь) для содержания братии или же тех продуктах, которые сами монахи и выращивали. Не могли быть предметом сделок между людьми церкви, аббатства и прочие учреждения, посвященные Богу. Как пишет Брактон, «нельзя дарить вещи ни одному человеку, которые имеют отношение к духовному»: Item dari non poterunt alicui singulari personæ res quæ sunt spiritualibus annexæ...[59] Какие же последствия имел такой дар, если бы он и состоялся? Брактон недвусмысленно констатирует: «Не может такое лицо требовать себе по суду свободного держания в отношении этого имущества», т.е. в случае оспаривания его прав он заведомо проигрывал дело[60]. Иными словами, не признавался статус свободного держания не за земельными владениями монастырей (напомним, что они как раз были активными сторонами многочисленных споров), а за самими строениями. По аналогии с римской максимой “aedificium solo cedit”[61].

По мнению Брактона, захватчик (disseisitor) или тот, кто занял пустующее владение (intrusor), признаются обладателями свободного держания по истечении определенного срока, даже несмотря на оговорку Брактона quasi (как бы) liberum tenementum[62]. Может быть, для Брактона и его современников критерии liberum tenementum были хорошо известны, так что вопрос о квалификации имущества как свободного держания даже не вставал, а самого Брактона интересовал не характер служб, а срок, по истечении которого имущество приобретало таковой статус (чтобы он ни значил) и, тем самым, оказывалось защищенным в глазах суда? Иными словами, любой обладающий имуществом (законность такого обладания была предметом будущего судебного разбирательства) рассматривался как обладатель фригольда, так что важно было лишь выяснить, с какого момента начинается это самое «свободное держание» и, как следствие, точка отчета исковой защиты. Характеристика имущества как фригольда обусловливается сроком обладания таковым, а не характером служб, даже если Брактон всё равно признаёт такое держание порочным.

Можно полагать, что *любое* держание *a priori* могло считаться свободным, пока обратное не будет доказано по суду. Ответ на вопрос, знали ли сами современники, кому полагается или не полагается защита, думается, должен быть утвердительным. Об этом свидетельствуют ссылки Брактона на конкретные казусы[63]. Поэтому-то захватчик, получая защиту даже против прежнего владельца, мог выиграть дело в посессорном иске (по приказу о недавнем лишении владения), но проиграть в петиторном, когда доказывалось отсутствие у него прав на спорное имущество. Но в любом случае в Англии ни одно судебное разбирательство не могло состояться без королевского приказа.

Если рассматривать свободное держание как имущество, не обремененное сервильными платежами, то в чем разница между «держать свободно» и «держать за свободные службы»? Так, Брактон противопоставляет тех, кто держит свободно, тем, кто держит за свободные службы, хотя о критериях разделения он толком ничего не говорит, а делает только общий вывод: «...держание, данное виллану для исполнения свободных служб, не делает его свободным, если только он не держит свободно». Иными словами, виллан не становится обладателем фригольда даже при отправлении им свободных служб. Нам представляется, что в этом отношении юридическая теория противоречит или практике, или ее пониманию М. А. Баргом, который полагал, что все libere tenentes — это те, кто не «держал на вилланском праве».

Сами вилланы рассматривали барщину, т.е. именно сервильные службы, как явный признак своей несвободы. И действительно, Брактон оговаривает, что свободный человек, если он обладает имуществом вилланского статуса и отправляет *неопределенные* по размерам службы, не может рассчитывать на ассизу[64]. В протоколе одного из дел в «Записной книжке» сказано, что виллан получил от своего лорда право держать свободно, следствием чего стало признание за его имуществом статуса свободного держания, но о том, что такое «держать

свободно», протокол ничего не говорит. Создается впечатление, что изменение статуса имущества было следствием простого волеизъявления сеньора, может, и оформленного каким-то особым образом[65]. Однако можно не сомневаться, что признание за имуществом виллана статуса свободного давало ему право на защиту в королевских судах, правда, против третьих лиц, а не господина.

Известно высказывание Брактона о том, что «держание не меняет статуса». Но как только судья вдается в конкретику, оказывается, что одно дело держать за сервильные, другое — за пусть и сервильные, но определенные службы (onera servilia cum certa et determinata). В таком случае договоренность и воля господ позволяют признать за таким держателем свободный характер его держания (quo casu conventio et consensus dominorum facit ei liberum tenementum). Между тем тот факт, что лицо исполняло неопределенные вилланские службы, даже будучи лично свободным, имел своим следствием отрицание за таким лицом свободного статуса его держания[66]. Тут же выясняется, что «даже если и определены службы, как в случае с привилегированным вилланским держанием или чистым вилланским держанием, не полагается такому восстановление (remedium) на основании приказа о недавнем лишении владения». И чем же руководствовался автор, когда, наставляя судей, которым часто приходилось разбирать дела в том числе и о статусе сторон спора, писал: «Следует различать свободных сокменов и вилланов-сокменов, которые родились на домене короля и издавна держат на вилланском праве, и чистых вилланов, от тех, кто пришлый на королевском домене, но заключил договор на условиях выполнения определенных и четко обозначенных служб. И хотя может сложиться впечатление, что они (пришлые. — *А. К.*) подобны вилланам-сокменам, однако их статус другой, поскольку эти будут обладать свободным держанием, а другие (вилланы-сокмены или же чистые вилланы. — *А. К.*) будут держать на вилланском праве»[67]. Или надо отказать Брактону в последовательности и логичности изложения, или же признать эту непоследовательность отражением пестроты социальной действительности Англии этого периода. Только одно условие отнесения / неотнесения держания к свободному повторяется им с завидным постоянством: держание от своего / чужого имени.

Когда речь идет о приобретении имущества на основании преемственности (ex successione) или дарения (ex donatione), причем не так уж важно, извлекало ли лицо доходы или нет, Брактон полагает, что лицо всё равно приобретает свободное держание, поскольку: «Не так много добавляет сейзине в том, что касается свободного держания [факт] использования или извлечения доходов, так как извлечение доходов способствует тому, что сейзина становится... более ясной (т.е. видимой всем. — *А. К.*)»[68]. Как мы видим, сам факт наделения лица правами на имущество уже автоматически создавал для него статус свободного. Как утверждает сам Брактон, это происходит, когда сейзина, т.е. фактическое обладание имуществом, и право, т.е. титул, юридические основания такого обладания, каковым мог быть акт сейзины, соединяются вместе в одном лице

(concurrunt in unum et in unam personam seisina et jus). Почти нет сомнений в том, что Брактон имеет здесь в виду отношения между лично свободными людьми. И более того, речь явно шла об известной полноте этих прав.

6. Материальная составляющая фригольда

Как мы видим, Брактон отрицал за имуществом ряда свободных держателей статус фригольда. Если присмотреться к тем, за кем таковой статус их имущества признавался, то можно сказать — это были лица, чьи права в тех условиях можно признать максимально прочными и всеохватывающими (которые могли de facto рассматриваться как таковые). Обеспечить же эту полноту должна была процедура ввода во владение, известная как сейзина, которую Брактон отождествил с римской традицией. Во всяком случае, даже если акт сейзины не имел места, а лишь мыслился как имевший место, Брактон разделяет четко тех, кого он называет seisitus, и тех, кто лишь находится «в сейзине» (in saisina est). Именно первая категория держателей и признавалась Брактоном обладателями фригольда, а в самом этом разделении следует видеть дань римской правовой традиции, разделявшей владеющего и тех, кто владел от чужого имени. Среди тех, кто был seisitus в отношении своего имущества в Англии, центральное место занимали обладатели феода.

Однако, в отличие от континентальной практики, феодом в Англии называли любое наследственное имущество, даже не обязанное военными службами. Так, Брактон отмечает: если даритель определил, что дар делается и наследникам, каковые родятся, то такое свободное держание, которое одаренный приобретает сразу, превращается в феод. И наоборот, если наследники не родятся, то феод перестает быть феодом и вновь мы имеем дело со свободным держанием[69]. Иными словами, феод — это тип имущества наследственного статуса. Словом «феод» описывается конкретный объем прав. Превращение свободного держания в феод видится нам как поглощение свободного держания феодом, т.е. свободное держание не есть юридическая квалификация объема прав, эту функцию выполняет слово «феод», в который превращается свободное держание. Наше предположение подтверждает и другой фрагмент трактата, где сразу же за указанием на приобретение лицом свободного держания следует пояснение: «...и если будет такой изгнан, то тотчас же может вчинить иск по ассизе (имеется в виду ассиза о новом захвате. — *А. К.*)»[70]. Таким образом, свободное держание выступает характеристикой имущества как защищенного исками, подающимися на имя короля в его судах.

Сами же формы имущества были многообразны: военный феод, феод, обладатель которого был обязан уплачивать денежную ренту (так называемый феод-фирма или наследственная фирма)[71], пожизненное держание, большая и малая сержантерии, держание на праве благочестивого дарения (in liberam

elemosinam), которые, теоретически, не были обременены никакими службами, кроме чисто духовных, но в реальности не были освобождены и от светских[72]; имущество вдовы (вдовья доля), которая занимала не последнее место в средневековой экономике, приданое, которое в тот период играло важную роль в брачной политике на всех уровнях социальной иерархии[73]. К сказанному можно добавить правовой статус имущества младших сестер, которые держали свое имущество от старшей сестры[74]. С этой точки зрения фригольд социально разнороден и индифферентен, по сути как институт имущественного права он не выступает на страницах источников[75].

В сфере имущественных отношений это было переосмыслено таким образом, что в качестве полноправных субъектов выступали те, кто формально не признавал свой титул (имущественное право) производным от воли другого. Это не значит, что иерархия держателей отменялась, но свободное держание предстает некой характеристикой, значимой с точки зрения не столько служб, сколько процессуальной защиты. Нам представляется, что это подтверждается признанием лица, лишенного своей сейзины и восстанавливающего ее путем приказа о недавнем лишении владения, «натуральным и цивильным владельцем». А именно для тех, кого Брактон считал seisitus и кто приобретал свое имущество (или мыслился как приобретший) посредством акта сейзины, он допускал слияние в их лице и натурального, и цивильного владений[76].

Брактон, например, регулярно противопоставляет фирмария (арендатора) лицу, которое предоставило ему имущество на праве фирмы, обладая соответствующими правомочиями (proprietarius, feoffator, verus dominus etc.). В том случае, когда он противопоставлял фирмария или пользователя имущества с извлечением доходов (узуфруктуара римского права) и, условно говоря, «собственника», первый оказывался *seisitus* на плоды, но в *сейзине* в отношении недвижимости, в то время как собственник находится в прямо противоположной ситуации[77]. Брактон систематически повторяет, что фирмарий держит от чужого имени[78]. «Плоды», т.е. движимое имущество, не рассматривались как liberum tenementum, такой фирмарий не мог рассчитывать на судебное разбирательство по ассизам[79].

Любопытно, что захватчик и possessor malae fidei в глазах Брактона могли быть или не быть seisitus. С одной стороны, они получали защиту в королевских судах против любого не-владеющего, а против подлинного господина (dominus) — спустя определенное время[80]. В последнем случае, очевидно, Брактон следовал известной максиме римского права о лучшем положении владеющего[81]. Не причисляя таких держателей к категории seisitus в общем случае, в ситуации судебного спора Брактон мог таковых рассматривать как seisitus. Ведь признавая, что они обладают «свободным держанием» для того, чтобы обосновать их владельческую защиту, он косвенно признавал их «владеющими» и, как следует из сказанного выше, seisitus. Но только с точки зрения судопроизводства, поскольку после установления факта противоправного

присвоения имущества такие лица всё равно проиграли бы дело. Причина же, по которой Брактон не считает таковыми другие категории держателей nomine alieno, могла корениться в том, что их положение было обусловлено договором с подлинным (выдававшим себя за подлинного) владельцем, а в случае с захватчиком или лицом, вторгнувшимся в пределы пустующего владения, — нет.

Основания же для отнесения того или иного держания к свободному могли определяться позицией публичной власти, выраженной в ранних трактатах по общему праву (и тут мы встаем на позицию Д. В. Дождева). Именно она решала, какое отношение подлежит защите, а какое нет, но основанием здесь могла выступать полнота прав того, кто получал защиту. Иными словами, хотя ставить знак равенства между английским и римским правом было бы неверно, нельзя исключать, что как там, так и здесь, наличие вертикальных связей (господин–слуга), т.е. наличие заведомо неравноправных отношений, как раз ограничение индивидуальной воли (но не обязательно свободы) и было причиной того, что королевская власть признавала свободное держание и право на его защиту лишь за теми, кто, по выражению Дождева, «выступают во всей полноте своих волевых качеств».

Реформам Генриха II (и, разумеется, тем социальным процессам, внешним выражением которых они являлись) не в последнюю очередь англо-нормандское общество обязано своим своеобразием. Теперь королевские суды (повторимся, что их роль в деле регулирования социальных конфликтов была весьма значительна и со временем только нарастала) знали два сорта держателей: свободные и вилланы[82]. Как следствие, все свободные превращались в субъектов одного права, а раз так, то шансы объединения их в одну нерасчлененную массу свободных держателей, противопоставленных королевской власти и ее агентам, возрастали[83]. Тем не менее, как было показано, не все свободные являлись и обладателями свободного держания и пользовались «благодеяниями» реформ Генриха II, не говоря уже о вилланах.

Заключение

Несмотря на справедливость проведения демаркационной линии по характеру служб, обладателями фригольда в глазах публичной власти (в лице суда) признавались только наиболее полноправные в части своих имущественных прав держатели, отделенные не только от массы вилланов, но и других свободных, за которыми такой статус не признавали. Tenere libere, как нам представляется, не тождественно статусу «быть свободным от чего-то», а скорее «обладать именно имуществом привилегированного статуса», причем признаваемого публичной властью (например те же замечания Брактона на полях «Записной книжки»). Что же касается свободных, если перефразировать М. А. Барга, то, что отличало группу свободных, но обладавших в отношении своей сейзины

статусом свободного держания, от другой такой же группы свободных, таковым статусом не обладавших, был факт приобретения сейзины (или мыслящейся как таковое) путем особой процедуры, описывавшейся в документах с помощью глагола seisire (traditio, по терминологии Брактона) и, соответственно, статуса seisiti в отношении такого имущества (даже если они фактически извлекали только ренту, не имея это имущество in natura).

Действительно, Брактон приводит список таких держателей, и на первом месте оказываются обладатели феодов: quod liberum tenementum est id quod quis tenet sibi et heredibus suis in feodo et hereditate, vel in feodo tantum sibi et heredibus suis. А именно: такие держатели были теми, кто, как следует из трактата Брактона, владел и был seisitus! Таким образом, при окончательном решении вопроса в суде, это было не держание всех свободных людей, а держание привилегированного статуса, которое подлежало защите в королевских судах (разумеется, никто не говорит о современном понимании свободы в сфере права как равенстве перед законом, средневековое общество — общество иерархически организованное, таков был божественный порядок)[84]. Но главным фактом, каковой Брактон неуклонно подчеркивает в его понимании предоставления защиты и, следовательно, признания статуса свободного держания, был факт «самовластности» лица, прибегавшего к таковой защите (suo nomine). Фригольд кристаллизуется в немалой степени под влиянием судейской практики и системы приказов, которыми инициировались судебные разбирательства, где предметом спора была сейзина, а основанием для предоставления процессуальной защиты — статус свободного держания в отношении такой сейзины.

[1] Соглашаясь с А. А. Хлевовым, привычное для английского (и переводных с английского) языка слово Norman (напр. Anglo-Norman kingdom) мы будем заменять словом «нормандский», поскольку «термин *норманны*... в случае его применения к выходцам из Нормандии имеет несколько странный оттенок и лишь запутывает ситуацию». *Дуглас Д. Ч.* Норманны: от завоеваний к достижениям. 1050–1100 гг. / Под. ред. А. А. Хлевова. СПб., 2003. С. 18, прим. Того же мнения придерживаются и другие исследователи. *Celebi C. L.* Conquest, colonization and cultural change in Eastern Suffolk, 1066–1166. Ankara. 2002. P. 15.

[2] *Weekley E.* Etymological Dictionary of modern English. London, 1921. Col. 598. http://www.etymonline.com/index.php?l=f&p=34&allowed_in_frame=0. Здесь сказано, что фригольд — это земельное имущество, находящееся во владении свободного человека. Фундаментальное издание Ф. Либерманна, включающее и ранние законы нормандцев (Законы Вильгельма I), написанные на нормандском диалекте, никаких упоминаний о свободном держании не содержит.

[3] F. O. The law-french dictionary alphabetically digested. 2nd Ed. / Printed E. Nutt, G. Gosling (assigns of E. Sayer). London, 1718. См. соответствующие рубрики.

[4] *Digby K. E. P.* An Introduction to The History of The Law of Real Property. 4th Ed. Oxford, 1892. P. 49.

[5] *Weekley E.* Etymological Dictionary of modern English. Col. 597.

[6] Наследственное имущество, когда наследование (или отчуждение) регламентируется оговоренными заранее условиями.

[7] Понятие estate (от лат. status) in land также можно считать специфически английским. С точки зрения русского языка это слово можно перевести как состояние, но оно не является юридическим термином в том смысле, как английский estate. Приблизительно его можно определить как совокупность прав в отношении имущества, причем в отношении одной и той же вещи разные лица будут обладать разными полномочиями, их estate будет разным. В современном германском гражданском праве присутствует конструкт «непосредственного» и «опосредованного» владельца одной и той же вещи. Видный юрист У. Блэкстон говорит о трех составляющих этого понятия: объем интереса (quantity of interest), т.е. конкретные права, длительность интереса, количество и качество обладающих им. *Blackston W.* Commentaries on the Laws of England in Four Books. Vol. 1. 1753. Ch. VII. P. 103–104. В современном английском праве для определения имущества как фригольда необходимо соблюдение двух условий: его недвижимость и бессрочность обладания таковой. Всё остальное фригольдом не является.

[8] Например, ни сайт http://www.cn-telma.fr//originaux/recherche, где собрано порядка 5 тыс. грамот до 1121 г., ни фундаментальное издание англосаксонских законов Die Gesetze der Angelsachsen Ф. Либермана не содержат даже словосочетание liberum tenementum.

[9] *Du Cange Ch.* Glossarium mediae et infimae latinitatis. Niort, 1883–1887. T. 8. Col. 58. Liberum tenementum упоминается в кутюмах Нормандии, но мы не можем сказать наверняка, не было ли это следствием уже английского, «обратного» влияния. Глагол liberare и производные от него в достаточном количестве встречаются в континентальных источниках, но вряд ли в том смысле, который в это слово вкладывали писцы DB. *Du Cange Ch.* Glossarium mediae et infimae latinitatis. T. V. P. 90–93. См. *Касатов А. А.* Институт «liberatio» в Англо-нормандском королевстве: к вопросу социальной политике Вильгельма Завоевателя // Средние века. 2007. Вып. 68 (4). С. 66–91.

[10] Lexikon des Mittelalters. 1987. Bd. IV. Col. 886–887; *Blackstone W.* An analysis of the laws of England. Dublin, 1766. P. 38–40.

[11] *Барг М. А.* Исследования по истории английского феодализма XI–XIII вв. М., 1962. С. 154.

[12] Там же. С. 186.

[13] Отчасти это понимал и сам М. А. Барг. *Барг М. А.* Исследования... С. 154. Сн. 1. С. 158; *Косминский Е. А.* О некоторых характерных чертах английского феодализма // СВ. 1960. Вып. 17. С. 36.

[14] Данные «Книги Страшного суда» (Domesday Book) показывают, что удельный вес свободных только в восточном Саффолке уже в XI в. составлял 41%. *Celebi C. L.* Conquest, colonization and cultural change in Eastern Suffolk, 1066–1166. Ankara, 2002. P. 18. Нам представляется, что этот регион свободы был таковым еще во время завоевания и оставался таким много позже.

[15] *Косминский Е. А.* Английское крестьянство в XIII в. К вопросу о свободном держании // СВ. 1942. Вып. 1. С. 43–44.

[16] *Барг М. А.* Исследования... С. 161.

[17] *Винокурова М. В.* Мир английского манора. М., 2004. С. 88–92, 104.

[18] *Барг М. А.* Исследования... С. 163.

[19] *Heusler A.* Die Gewere. Weimar, 1872. S. 369–370, 422–423; *Vinogradoff P.* The growth of the manor. London, 1905. P. 367.

[20] *Pollock F., Maitland F. W.* The history of the English law before the reign of Edward I. Cambridge, 1898. Vol. I. P. 356–358.

[21] *Holdsworth W. S.* The History of English law. London, 1903–1966. Vol. III. P. 215, 582 et passim.

[22] *Vinogradoff P.* English society in the eleventh century. Essays in English medieval history. Oxford, 1908. P. 473. Исследователь не выразил этого прямо, но создается впечатление, что речь идет всё о той же процедуре liberatio.

[23] *Vinogradoff P.* The growth of the manor. P. 366. См. Также: *Vinogradoff P.* English society in the eleventh century. P. 415.

[24] *Vinogradoff P.* Villinage in England. Essays in English medieval history. Cambridge, 1892. P. 96.

[25] Об этом детальнейшее, хотя и вызывающее критику исследование: *Caenegem van R. C.* Royal writs in England from Norman Conquest to Glanvill: Studies in the Early History of the Common law // PSS. Vol. LXXVII. London, 1959. Part I. Краткое изложение: *Caenegem van R. C.* The birth of English Common Law. 2nd Ed. Cambridge, 1988. P. 29–62.

[26] *Biancalana J.* The writs of dower and chapter 49 of Westminster I // Cambridge Law Journal. 1990. Vol. 49. N 1. P. 91. Согласно «Глэнвилле», членов жюри полагалось выбирать до тех пор, пока не будут найдены знающие люди. *Glanvill R. de.* De legibus et consuetudinibus regni Angliae / Ed. by G. Woodbine. New Haven: Yale University Press, 1932. II, 17: «Если же некоторые из них знают правду об этом, а некоторые не знают, тогда, отстранив незнающих, следует призвать в курию других, пока не найдется, по крайней мере, двенадцати согласных в этом (т.е. в обстоятельствах дела. — *А. К.*)».

[27] *Pollock F., Maitland F. W.* The history of the English law... Vol. II. P. 49 et passim.

[28] Ibid. P. 48, 66; *Holdsworth W.* The history of English law. Vol. II. P. 204.

[29] *Maitland F. W.* The forms of actions at Common law. Lecture III. URL: www.fordham.edu/halsall/basis/maitland-formofaction.html.lectureIII.

[30] *Sutherland W.* The assize of Novel Disseisin. Oxford, 1973. P. 22–24.

[31] Coutumiers de Normandie: textes critiques. T. 1–2 / Publ. E-J. Tardif. Rouen–Paris, 1881–1903. Cap. XCIII “De brevi nove dissaisine”, 1. P. 220: de qua dissaisivit eum injuste et sine judicio post ultimum augustum... Обратим внимание на то обстоятельство, что в приводимой в кутюмах форме приказа «свободное держание» даже не упоминается. Всё это в очередной раз заставляет задуматься об особом специфически английском институте права.

[32] *Garnett G.* Conquered England. Kingship, Succession and Tenure 1066–1166. Oxford; New York, 2007. P. 352.

[33] Bracton’s Note Book / Ed. F. W. Maitland. Cambridge, 1887. Vol. II (далее — BNB). N 281, 270, 1240 etc.

[34] Хронология перемещений Генриха II подробно изложена: *Eyton R. W.* Court, household and Itinerary of King Henry II. London, 1878.

[35] *Bracton H. de.* De ligibus et consuetudinibus Angliae / Ed. by G. E. Woodbine, transl. with rev. and notes S. E. Thorne. Cambridge (Mass), 1968–1977. 4 vols. P. 3, 57: ...tunc facias tenementum illud reseisiri de catallis quæ in ipso capta fuerunt et ipsum tenementum cum catallis esse in pace... Дж. Гарнет также отмечает, что «ранние формы ассизы о новом захвате предполагали немедленное восстановление потерпевшего, поскольку нормальный судебный процесс не мог состояться в силу отсутствия короля в Англии». *Garnett G.* Conquered England. P. 342.

[36] Ibid. Appendix. N 96 (1155–1166). Можно привести и другие примеры. См. *Bigelow M. M.* History of procedure in England from the Norman Conquest (1066–1204). Boston, 1880. Appendix. N 47. Судьи нормандского герцога должны были установить факт принадлежности имущества епископу Байе во времена Генриха I (recognitum fuerit... inde saisitus esset) и после этого вернуть ему имущество. Очевидно, вопрос о правомерности самого обладания в приказе не затрагивался. *Bigelow M. M.* Placita Anglo-Normannica: law cases from William I to Richard I preserved in historical records. Boston, 1879. P. 159. См. приказ эрла Эссекса Готфрида, в котором он предписывает своему служащему установить факт лишения имущества, факт принадлежности ранее этого имущества каноникам церкви св. Мартина в Лондоне, после чего восстановить их в правах (fac eos saisiri).

[37] *Sutherland W.* The assize of Novel Disseisin. P. 4.

[38] *Bracton H. de.* De ligibus et consuetudinibus Angliae. 3, 325: Et vice versa breve de recto numquam vertitur per narrationem ad breve prædictum super possessione; 3, 211; 3, 311: ne contingat quod per assisam terminetur proprietas quæ locum non habet nisi tantum in causa possessionis... По мнению Дж. Тейта, подобного рода деление в королевских судах возникло под непосредственным влиянием судов церковных, так что «светские лица, становившиеся участниками спора в церковных судах, быстро усвоили, что разбор дела о владении должен предшествовать разбору дела о собственности». *Tate J.* Ownership and possession in the Early Common law // Journal of American legal history. 2008. Vol. XLVIII. P. 294.

[39] *Biancalana J.* For want of justice... P. 449 ff. Как отметил В. Уоррен: «Только король в Англии располагал правом собственности». *Warren W. L.* Henry II. London, 1977. P. 348.

[40] В ГК РФ институт владения, как и владельческой защиты, отражен плохо, хотя ст. 12 и 14 ГК РФ дают право на «самозащиту».

[41] *Дождев Д. В.* Основания защиты владения в римском праве. М., 1996. С. 229–230. «Публичная власть воспринимает и защищает индивида только в том случае, если он выступает во всей полноте своих волевых качеств». В нашем случае избирательность касалась «свободного держания».

[42] Там же. С. 30, 217, 229.

[43] *Bracton H. de.* De ligibus et consuetudinibus Angliae. 3, 124: Licet quodam modo seisiti sunt quoad usum et quoad fructum, non tamen seisiti sunt quoad liberum tenementum, licet alio modo recuperare possint possessionem suam quam per assisam.

[44] См., например, многотомное издание Early Yorkshire Charters / Ed. W. Farrer. Edinburgh, 1914–1916. Vol. I–VII. Первые три тома представлены в сети Интернет. URL: https://archive.org/details/earlyyorkshirech01farruoft, https://archive.org/details/earlyyorkshirech02farruoft, https://archive.org/details/earlyyorkshirech03farruoft.

[45] British borough charters 1042–1206 / Ed. A. Ballard. Cambridge, 1913 и British borough charters 1216–1307 / Ed. A. Ballard. Cambridge, 1923. P. 45, Солсбери 1225 г.: ...quod de nobis et successoribus nostris teneat unusquisque suum liberum tenementum in civitate predicta (т.е. Солсбери. — *А. К.*); Суонси, 1306: set in aliis casibus quibuscunque liberum tenementum tangentibus... Из этих пассажей очевидно, что имущество в городе, т.е. бургаж, рассматривалось как свободное держание. Такая же ситуация и в других изданиях городских хартий. См., например, The charters of the borough of Cambridge / Ed. F. W. Maitland. Cambridge, 1901. P. 34, 40. Все они датируются концом XIV в. (1385 и 1394 соответственно). О свободном городском держании см.: *Кириллова А. А.* Свободное земельное держание в городах Англии в XIII в. // Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина. М., 1954. Т. 68. Вып. 4; *Tate J.* The Medieval English Borough: Studies on Its Origins and Constitutional History. 3d Ed. Manchester, 1999. (1-е издание: 1936).

[46] *Bracton H. de.* De ligibus et consuetudinibus Angliae. 3, 171. Действительно, в «Записной книжке» Брактона можно найти прямые ссылки на вилланский статус лиц и имущества, ставшего предметом спора. См. 1210, 1768. Противопоставление держания, обремененного сервильными службами, и свободного можно найти и в других документах этого времени. См., например: Select pleas from manorial and other seignorial courts / Publ. of Selden Society; ed. F. W. Maitland. London, 1889. Vol. I. P. 22 (1275–1276): et dicit curia quod tenementum et j acra servilis conditionis sunt et j acra libere.

[47] BNB. N 281. Спор шел о лишении именно «свободного держания», и жюри подтвердило, что лицо, пусть и обязанное вилланскими платежами, является свободным: *Bracton H. de.* De ligibus et consuetudinibus Angliae. 2, 90. Мы не рассматриваем здесь споры о способах доказательства вилланского или свободного статуса в королевских судах. Е. В. Гутнова полагала, что судьи ориентировались на личный статус и показания родственников-вилланов. *Гутнова Е. В.* 1) Возникновение английского парламента. М., 1960. С. 115; 2) Вилланство и общее право в XIII веке // СВ. 1986. Вып. 49. С. 42. Ее оппонентом выступал М. А. Барг, ставивший во главу угла характер служб. *Vinogradoff P.* 1) Agricultural services // Economic journal. 1900. Vol. 10. URL: http://www.efm.bris.ac.uk/het/vinogradoff/services; 2) Villinage in England. Essays in English medieval history. Oxford, 1892. Passim. Впрочем, в одном месте П. Г. Виноградов оговаривает, что именно прекарный характер держания делает его несвободным. Ibid. P. 165; *Hyams P.* The proof of Villein status in the Common law // EHR. 1974. Vol. 89. N 353. P. 722. Главным средством доказательства вилланского статуса П. Хиамс считает привод в суд родственников, отсюда же и генеалогии вилланов в поместных описях. О характере служб исследователь ничего не говорит.

[48] *Bracton H. de.* De ligibus et consuetudinibus Angliae. 3, 28: ...competit (sc. querela et remedium per assisam) libero homini qui tenuerit villenagium per servitium et consuetudines villanas, sive copulatus fuerit villanæ vel non, de tenemento quod alibi tenuerit libere...

[49] BNB. N 281.

[50] BNB. N 1210.

[51] *Bracton H. de.* De ligibus et consuetudinibus Angliae. 2, 37–38. См.: *Барг М. А.* Исследования... С. 347–364.

[52] BNB. N 1124. Там же Ф. Мейтланд дает ссылку на аналогичный пассаж из трактата Брактона. См. *Bracton H. de*. De ligibus et consuetudinibus Angliae. 2, 92.

[53] По всей видимости, здесь имеются в виду вилланы старинного домена короны, отправлявшие вилланские платежи, хотя и пользовавшиеся некоторыми привилегиями.

[54] Ibid. 3, 19 и 161. См. также 2, 90: ...in dominicis domini regis distinguendum erit inter liberos et villanos sokemannos qui in dominico regis nati sunt, et ab antiquo tenuerunt in villenagio...

[55] BNB. N 1979.

[56] *Bracton H. de*. De ligibus et consuetudinibus Angliae. 3, 58: Necesse est enim quod fiat visus de tenemento a iuratoribus ut certa res deduci possit in iudicium.

[57] Ibid. 3, 171: Item (sc. Liberum tenementum) quod sit suum et non alienum, hoc est si teneat nomine alieno...

[58] Ibid. 2, 91.

[59] Ibid. 2, 58.

[60] Ibid: in quibus (sc. в отношении res spiritualibus annexae. — *А. К.*) nullus sibi vindicare poterit liberum tenementum...

[61] Ibid. 3, 31: Здесь за камнями и деревьями, которые находятся на спорной земле, также признается статус свободного держания с соответствующей отсылкой: quasi aedificium solo cedit.

[62] Ibid. 3, 133.

[63] Ibid. 3, 28: Item quandoque competit villano sokemanno in dominico domini regis si manerium vocetur burgus, sicut Cyrencestria, ut de itinere abbatis de Radinge et Martini de Pateshilla in comitatu Gloucestriæ...

[64] Ibid. 3. 39: ...non competit restitutio per assisam propter tenementum, ut si liber homo tenuerit villenagium per villanas consuetudines et servitia incerta...

[65] Ibid. 2, 85; BNB. N 1814.

[66] *Bracton H. de*. De ligibus et consuetudinibus Angliae. 3, 35: ...quia tales nihil tenent nomine proprio sed nomine alieno, cum omnes consuetudines et servitia in puro villenagio omnino sint incerta.

[67] Ibid. 2, 90: ...distinguendum erit inter liberos et villanos sokemannos qui in dominico regis nati sunt, et ab antiquo tenuerunt in villenagio, et puros villanos et illos qui adventicii sunt et tenuerunt per certa servitia et expressa ex conventione, quamvis ad similitudinem villanorum sokemannorum, et quorum non est similis condicio, quia in persona unius erit liberum tenementum et in persona alterius villenagium.

[68] Ibid. 3, 125: ...nec multum facit ad seisinam quoad liberum tenementum usus vel captio expletiarum, quia nihil conferunt seisinæ vel tenemento nisi quasi quoddam vestimentum, ut seisinam roborant et faciant clariorem.

[69] Ibid. 2, 68: ...quousque inceperint heredes esse erit liberum tenementum, cum autem inceperint esse incipit liberum tenementum esse feodum... cum desierint esse desinit esse feodum, et iterum incipit esse liberum tenementum...

[70] Ibid. 2, 102: ...si... tales donationem fecerint, statim faciunt accipientis liberum tenementum: et si eiciantur statim recuperabunt per assisam versus quoscumque præterquam versus verum dominum, si ille statim eiciat.

[71] Иными словами, с точки зрения экономической — это рентные отношения, не предполагавшие даже оммажа (по сути, аренда), но по характеру юридических прав — это феод, т.е. наследственное имущество. *Pollock F., Maitland F. W.* The history of the English law... Vol. I. P. 240, 293 et passim; *Cunningham T. A.* New and Complete Law-Dictionary, or General Abridgment of the Law. London, 1783. Vol. I–II. (Переиздание: 2004). Vol. I. P. 662.

[72] *Douglas A. W.* Tenure in elemosinam. Origins and establishment in twelfth century England // AJLH. 1980. Vol. 24. N 2. P. 130. Свободная милостыня стала таковой только к XV в. См.: *Simpson A. W. B.* A history of the land law. Oxford: Clarendon Press, 1986. P. 8 ff.

[73] *Milsom S. F. T.* Inheritance by Women in the Twelfth and Early Thirteenth Centuriesc // On law and customs of England. Essays in honor of S. E. Thorne. Chappel Hill (N.C.), 1981. P. 68.

[74] *Glanville R. de*. De legibus et consuetudinibus regni Angliae. VI, IX, 2; *Hudson J.* The formation of the English Common law. P. 89–94; *Joüon des Longrais F.* La conception anglaise de la saisine du XIIe au XIVe siècle. Études de droit anglais. I. Paris: Recueil Sirey, 1924. P. 225–236.

[75] *Касатов А. А.* Сейзина и владение в раннем «общем» праве, или Как Брактон читал Дигесты // Человек читающий: между реальностью и текстом источника / Под ред. О. И. Тогоевой, И. Н. Данилевского; ИВИ РАН. М., 2011. С. 59–90.

[76] *Bracton H. de*. De ligibus et consuetudinibus Angliae. 3, 25: Nunc autem dicendum qualiter recurritur ad superioris auxilium cum utramque amiserit possessionem, naturalem videlicet et civilem. В другом месте Брактон подчеркивает, что владение есть двух видов: цивильное, когда владелец удерживает вещь лишь намерением (animo tantum), а есть натуральное, удерживающееся телом. Введение во владение (акт сейзины) для Брактона — это обретение материальной вещи с намерением владеть (cum affecto possidendi). Ibid. 2, 122, 126.

[77] Ibid. 3, 268: Et videtur prima facie super dominum capitalem, quia firmarius nihil habet nisi tantum usumfructum et proprietarius habet in dominico tenementum.

[78] Ibid. 3, 33: Item qui ad voluntatem tenuerit... sicut et usufructuarius qui tenet ad terminum annorum, tales querelam non habebunt nec remedium per assisam quia non habent actionem, sed dominus proprietatis. См. также: Ibid. 3, 26; 3, 96; 3, 79 и др.

[79] *Baker J. H.* An Introduction to English Legal History. P. 298 ff.; *Simpson A. W. B.* A History of the Land Law. P. 72–73.

[80] *Bracton H. de*. De ligibus et consuetudinibus Angliae. 3, 135. Здесь, очевидно, идет речь о сроке в четыре дня, в течение которых потерпевший, обратившись на четыре стороны света, мог собрать друзей и вассалов с тем, чтобы изгнать захватчика. В противном случае он сам становился захватчиком: *Bordwell P.* Seisin and Disseisin // Harvard Law Review. 1921. Vol. 34. N 6. P. 609.

[81] *Bracton H. de*. De ligibus et consuetudinibus Angliae. 3, 70: Propter commodum possessoris. *Glanville R. de*. De legibus et consuetudinibus regni Angliae. VII. 3: Melior est condicio possidentis. D. 20. 1.10.

[82] *Joüon des Longrais F.* La conception anglaise de la saisine... P. 206 ff. Здесь следует сделать поправку на то, что было сказано о фригольде выше.

[83] *Holt J.* Magna Carta. Cambridge, 2003. (1-е издание: 1992). P. 32.

[84] *Бицилли П. М.* Элементы средневековой культуры. СПб., 1995. С. 54–65.

References

BARG M. A. *Issledovaniya po istorii anglijskogo feodalisma XI–XIII vv.* Moscow, 1962.

BIANCALANA J. *The writs of dower and chapter 49 of Westminster I* // Cambridge Law Journal. 1990. Vol. 49. N 1.

BIANCALANA J. *For Want of Justice: Legal Reforms of Henry II* // Columbia Law Review. Vol. 88, N 3. P. 433–536.

POLLOCK W., MAITLAND F. W. *The History of English law before the reign of Edward the first*. Cambridge: Cambridge University Press, 1897. 2 vols.

BIGELOW M. M. *Placita Anglo-Normannica: law cases from William I to Richard I preserved in historical records*. Boston, 1879.

BIGELOW M. M. *The history of procedure in England from the Norman Conquest (1066–1204)*. Boston, 1880.

BITZILLI P. M. *Elementi srednevekovoij kultury*. St Petersburg, 1995.

BLACKSTON W. *Commentaries on the Laws of England in Four Books*. Vol. 1. 1753.

BLACKSTONE W. *An analysis of the laws of England*. Dublin, 1766.

BRACTON H. de. *De ligibus et consuetudinibus Angliae* / Ed. by G. E. Woodbine, transl. with rev. and notes S. E. Thorne. Cambridge (Mass.), 1968–1977. 4 vols.

Bracton's Note Book / Ed. F. W. Maitland. Cambridge. 1887. Vol. II.

British borough charters 1042–1206 / Ed. A. Ballard. Cambridge, 1913

British borough charters 1216–1307 / Ed. A. Ballard. Cambridge, 1923.

CAENGEM VAN R. C. *Royal writs in England from Norman Conquest to Glanvill: Studies in the Early History of the Common law* // PSS. Vol. LXXVII. London, 1959.
CAENGEM VAN R. C. *The birth of English Common Law*. 2nd Ed. Cambridge, 1988.
CELEBI C. L. *Conquest, colonization and cultural change in Eastern Suffolk, 1066–1166*. Ankara, 2002.
Coutumiers de Normandie: textes critiques. T. 1–2 / Publ. E-J. Tardif. Rouen–Paris, 1881–1903.
CUNNINGHAM T. A. *New and Complete Law-Dictionary, or General Abridgment of the Law*. London, 1783. Vol. I–II. (Переиздание: 2004). Vol. I. P. 662.
DIGBY K. E. P. *An Introduction to The History of the law of real property*. 4th Ed. Oxford, 1892. P. 49.
DOUGLAS A. W. *Tenure in elemosinam. Origins and establishment in twelfth century England* // AJLH. 1980. Vol. 24. N 2.
DOZHDEV D. V. *Osnovaniya zashchity vladeniya v rimskom prave*. Moscow, 1996.
DU CANGE CH. *Glossarium mediae et infimae latinitatis*. Niort, 1883–1887. T. 1–8.
Early Yorkshire Charters / Ed. W. Farrer. Edinburgh, 1914–1916. Vol. I–VII.
EYTON R. W. *Court, household and Itinerary of King Henry II*. London, 1878.
GARNETT G. *Conquered England. Kingship, Succession and Tenure 1066–1166*. Oxford; New York, 2007.
GLANVILL R. de. *De legibus et consuetudinibus regni Angliae* / Ed. by G. Woodbine. New Haven: Yale University Press, 1932.
GUTNOVA E. B. *Vozniknovenie anglijskogo parlamenta*. Moscow, 1960.
GUTNOVA E. V. *Villanstvo i obshchee pravo v XIII veke* // SV. 1986. N 49. S. 26–40.
HEUSLER A. *Die Gewere*. Weimar, 1872.
HOLDSWORTH W. *A history of English law*. London, 1903–1966. 17 vols.
HOLT J. *Magna Carta*. Cambridge, 2003. (1-е издание: 1992).
HUDSON J. *The formation of the English Common law. Law and society in England from the Norman Conquest to Magna Carta*. London — New York: Longman, 1999.
HYAMS P. *The proof of Villein status in the Common law* // EHR. 1974. Vol. 89. N 353. P. 721–749.
JOÜON DES LONGRAIS F. *La conception anglaise de la saisine du XIIe au XIVe siècle. Études de droit anglais*. I. Paris: Recueil Sirey, 1924.
KASATOV A. A. *Institut "liberatio" v Anglo-normandskom korolevstve: k voprosu cotzialnoij politiki Vilgelma Zavoevatelya* // SV. 2007. N 68 (4). S. 66–91.
KASATOV A. A. *Seisina i vladenie v rannem obshchem prave ili kak Brakton chital Digesty* // Chelovek chitayushchiij: mezhdu realnost'ju i tekstom istochnika / Pod. red. O. I. Togoevoij, I. N. Danilevskogo. Moscow: IVI RAN, 2011. S. 59–90.
KIRILLOVA A. A. *Svobodnoe zemelnoe derzhanie v gorodach Anglii v XIII v.* // Uchenye zapiski MGPI im. V. I. Lenina. Moscow, 1954. T. 68. Vip. 4. C. 45–86.
KOSMINSKIJ E. A. *Anglijskoe krest'janstvo v XIII v. K voprosu o svobodnom derzhanii* // SV. 1942. N 1. S. 43–65.
KOSMINSKIJ E. A. *O nekotorych charakternych chertach anglijskogo feodalisma* // SV. 1960. N 17. S. 31–43.
Lexikon des Mittelalters. Bde. I–IX. 1977–1999.
MILSOM S. F. T. *Inheritance by Women in the Twelfth and Early Thirteenth Centuries* // On law and customs of England. Essays in honor of S. E. Thorne. Chappel Hill, NC, 1981.
POLLOCK F., MAITLAND F. W. *The history of the English law before the reign of Edward I*. Cambridge, 1898. Vol. 1–2.
Select pleas from manorial and other seigniorial courts / Publ. of Selden Society; ed. F. W. Maitland. London, 1889. Vol. I.
SIMPSON A. W. B. *A history of the land law*. Oxford: Clarendon Press, 1986.
SUTHERLAND W. *The assize of Novel Disseisin*. Oxford, 1973.
TATE J. *Ownership and possession in the Early Common law* // Journal of American legal history. 2008. Vol. XLVIII. P. 280–313.
TATE J. *The Medieval English Borough: Studies on Its Origins and constitutional History*. 3d Ed. Manchester, 1999 (1-е издание: 1936).
The charters of the borough of Cambridge / Ed. F. W. Maitland. Cambridge, 1901.
The law-french dictionary alphabetically digested. 2nd Ed / Printed E. Nutt and G. Gosling (assigns of E. Sayer). London, 1718.
VINOGRADOFF P. *Agricultural services* // Economic journal. 1900. Vol. 10. URL: https://socialsciences.mcmaster.ca/econ/ugcm/3ll3/vinogradoff/services (дата обращения 05.12.2018).

VINOGRADOFF P. *Villinage in England. Essays in English medieval history*. Oxford, 1892.
VINOGRADOFF P. *English society in the eleventh century. Essays in English medieval history*. Oxford, 1908.
VINOGRADOFF P. *The growth of the manor*. London, 1905.
VINOGRADOFF P. *Villainage in England. Essays in English medieval history*. Oxford, 1892.
VINOKUROVA M. V. *Mir anglijskogo manora*. Moscow, 2004.
WEEKLEY E. *Etymological Dictionary of modern English*. London, 1921.

Список литературы

Барг М. А. Исследования по истории английского феодализма XI–XIII вв. М., 1962.
Бицилли П. М. Элементы средневековой культуры. СПб., 1995.
Винокурова М. В. Мир английского манора. М., 2004.
Гутнова Е. В. Вилланство и общее право в XIII веке // СВ. 1986. Вып. 49. С. 26–40.
Гутнова Е. В. Возникновение английского парламента. М., 1960.
Дождев Д. В. Основания защиты владения в римском праве. М., 1996.
Касатов А. А. Институт "liberatio" в Англо-нормандском королевстве: к вопросу социальной политики Вильгельма Завоевателя // Средние века. 2007. Вып. 68 (4). С. 66–91.
Касатов А. А. Сейзина и владение в раннем «общем» праве, или Как Брактон читал Дигесты // Человек читающий: между реальностью и текстом источника / Под ред. О. И. Тогоевой, И. Н. Данилевского; ИВИ РАН. М., 2011. С. 59–90.
Кириллова А. А. Свободное земельное держание в городах Англии в XIII в. // Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина. М., 1954. Т. 68. Вып. 4. С. 45–86.
Косминский Е. А. Английское крестьянство в XIII в. К вопросу о свободном держании // СВ. 1942. Вып. 1. С. 43–65.
Косминский Е. А. О некоторых характерных чертах английского феодализма // СВ. 1960. Вып. 17. С. 31–43.
Biancalana J. The writs of dower and chapter 49 of Westminster I // Cambridge Law Journal. 1990. Vol. 49. N 1.
Bigelow M. M. Placita Anglo-Normannica: law cases from William I to Richard I preserved in historical records. Boston, 1879.
Bigelow M. M. The history of procedure in England from the Norman Conquest (1066–1204). Boston, 1880.
Blackston W. Commentaries on the Laws of England in Four Books. Vol. 1. 1753.
Blackstone W. An analysis of the laws of England. Dublin, 1766. P. 38–40.
Bracton H. de. De ligibus et consuetudinibus Angliae / Ed. by G. E. Woodbine, transl. with rev. and notes S. E. Thorne. Cambridge (Mass), 1968–1977. 4 vols.
Bracton's Note Book / Ed. F. W. Maitland. Cambridge, 1887. Vol. II.
British borough charters 1042–1206 / Ed. A. Ballard. Cambridge, 1913.
British borough charters 1216–1307 / Ed. A. Ballard. Cambridge, 1923.
Caengem van R. C. Royal writs in England from Norman Conquest to Glanvill: Studies in the Early History of the Common law // PSS. Vol. LXXVII. London, 1959.
Caengem van R. C. The birth of English Common Law. 2nd Ed. Cambridge, 1988.
Celebi C. L. Conquest, colonization and cultural change in Eastern Suffolk, 1066–1166. Ankara, 2002.
Coutumiers de Normandie: textes critiques. T. 1–2 / Publ. E-J. Tardif. Rouen–Paris, 1881–1903.
Cunningham T. A. New and Complete Law-Dictionary, or General Abridgment of the Law. London, 1783. Vol. I–II. (Переиздание: 2004). Vol. I. P. 662.
Digby K. E. P. An Introduction to The History Of The Law of Real Property. 4th Ed. Oxford, 1892. P. 49.
Douglas A. W. Tenure in elemosinam. Origins and establishment in twelfth century England // AJLH. 1980. Vol. 24. N 2.
Du Cange Ch. Glossarium mediae et infimae latinitatis. Niort, 1883–1887. T. 1–8.
Early Yorkshire Charters / Ed. W. Farrer. Edinburgh, 1914–1916. Vol. I–VII.
Eyton R. W. Court, household and Itinerary of King Henry II. London, 1878.
Garnett G. Conquered England. Kingship, Succession and Tenure 1066–1166. Oxford; New York, 2007.
Glanvill R. de. De legibus et consuetudinibus regni Angliae / Ed. by G. Woodbine. New Haven: Yale University Press, 1932.
Heusler A. Die Gewere. Weimar, 1872.

Holdsworth W. A history of English law. London, 1903–1966. 17 vols.

Holt J. Magna Carta. Cambridge, 2003. (1-е издание: 1992).

Hudson J. The formation of the English Common law. Law and society in England from the Norman Conquest to Magna Carta. London — New York: Longman, 1999.

Hyams P. The proof of Villein status in the Common law // EHR. 1974. Vol. 89. N 353. P. 721–749.

Joüon des Longrais F. La conception anglaise de la saisine du XIIe au XIVe siècle. Études de droit anglais. I. Paris: Recueil Sirey, 1924.

Maitland F. W. The forms of actions at Common law. Lecture III. URL: www.fordham.edu/halsall/basis/maitland-formofaction.html.lectureIII.

Milsom S. F. T. Inheritance by Women in the Twelfth and Early Thirteenth Centuries // On law and customs of England: Essays in honor of S. E. Thorne. Chappel Hill (NC), 1981. P. 60–89.

Pollock F., Maitland F. W. The history of the English law before the reign of Edward I. Cambridge, 1898. Vol. 1–2.

Select pleas from manorial and other seigniorial courts / Publ. of Selden Society; ed. F. W. Maitland. London, 1889. Vol. I.

Simpson A. W. B. A history of the land law. Oxford: Clarendon Press, 1986.

Sutherland W. The assize of Novel Disseisin. Oxford, 1973.

Tate J. Ownership and possession in the Early Common law // Journal of American legal history. 2008. Vol. XLVIII. P. 280–313.

Tate J. The Medieval English Borough: Studies on Its Origins and constitutional History. 3[d] Ed. Manchester, 1999. (1-е издание: 1936).

The charters of the borough of Cambridge / Ed. F. W. Maitland. Cambridge, 1901.

The law-french dictionary alphabetically digested. 2nd Ed. / Printed E. Nutt, G. Gosling (assigns of E. Sayer). London, 1718.

Vinogradoff P. Agricultural services // Economic journal. Vol. 10. 1900. https://socialsciences.mcmaster.ca/econ/ugcm/3ll3/vinogradoff/services (дата обращения 05.12.2018).

Vinogradoff P. Villinage in England. Essays in English medieval history. Oxford, 1892.

Vinogradoff P. English society in the eleventh century. Essays in English medieval history. Oxford, 1908.

Vinogradoff P. The growth of the manor. London, 1905.

Vinogradoff P. Villainage in England. Essays in English medieval history. Cambridge, 1892.

Weekley E. Etymological Dictionary of modern English. London, 1921.

А. А. Касатов. Еще раз о «свободном держании» в английском общем праве XII–XIII вв.

В статье рассматривается особый концепт средневекового и современного английского общего права — фригольд. В историографии содержание этого института трактуется неоднозначно. Как правило, акценты смещаются от содержания фригольда к критериям отнесения обладателей имущества к фригольдерам. Главным здесь, как привило, выступает характер служб, а именно — был ли обладатель имущества обременен вилланскими (сервильными) повинностями или нет. Несмотря на справедливость проведения демаркационной линии по характеру служб, обладателями фригольда в глазах публичной власти (в лице суда) признавались только наиболее полноправные в части своих имущественных прав держатели, отделенные как от массы вилланов, так и других свободных, за которыми такой статус не признавали. Такие лица пользовались особой привилегией королевских судов судиться по специальному приказу de nova dissaisina, значительно ускорявшему процесс возвращения имущества. Фригольд кристаллизуется в немалой степени под влиянием судейской практики и системы приказов, которыми инициировались судебные разбирательства, где предметом спора была сейзина — некоторый объем прав лица на принадлежавшее ему имущество, а основанием для предоставления процессуальной защиты — статус свободного держания в отношении такой сейзины.

Ключевые слова: фригольд, Брактон, приказ de nova dissaisina, феод, сейзина, виллан.

A. Andrey Kasatov. “Freehold” (*liberum tenementum*) in the English Common law of the 12th–13th centuries. Question revisited

The main aim of this paper is to reexamine the specific concept of medieval and nowadays English law known as freehold (lat. *liberum tenementum*). Traditionally the scholars opposed “freehold” to villain tenures either because of the free services laid upon it, or because of the free status of its possessor. There is another point of view when the legal historians ague there were the men defended with the procedure of novel disseisin, i.e. restoration of possession who had the status of freeholder and thus, possessed the freehold. However, there is a question, which were the criteria of such a defense and whether all of the freemen possessed the freehold. One argues that only the persons *sui juris* had a right on such a protection. They were seized of their land tenures as fee, i.e. the freest kind of possession rights in medieval England at all. It was the kings courts, i.e. position of state and king’s power that decided who and how could be protected with the procedure of novel disseisin. The last served as the promptest and effective instrument to return the possession to plaintiff and reinstate the peace.

Key words: freehold, feef, seisin, writ de novel disseisin, Bracton, villain.

Касатов, Андрей Александрович — к. и. н., ученый секретарь Санкт-Петербургского института истории РАН.

Kasatov, A. Andrey — Ph. D.

E-mail: akasatov@mail.ru